

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.117

О саамской историографии

© Хансен Ларс Ивар, доктор философии, профессор, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии. E-mail: lars.ivar.hansen@uit.no
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. Статья посвящена истории саамов и историческим методам. В реляционном контексте рассматриваются основные результаты и центральные аспекты истории саамов. Какие последствия — как в отношении методологии, так и стилей повествования — эти аспекты имели и должны были иметь для процессов проведения исследований и составления истории саамов? Основное внимание уделяется политике в истории саамов и её исследовании. Рассматриваются вопросы, кому «разрешено» составлять историю саамов и выбирать способ проведения исследований с целью удовлетворения различных социально-культурных потребностей саамов. Рассматривается история саамов в целом и возможности реализации более ограниченных усилий по представлению сведений о саамских культурных практиках, их традициях и опыте отношений с другими народами. В заключение представлены методологические подходы и рекомендации по истории саамов с упоминанием ряда источников.

Ключевые слова: историография, история саамов, реляционный подход, методология

Perspectives on Sámi historiography

© Lars Ivar Hansen, Ph.D, Professor, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology.
E-mail: lars.ivar.hansen@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article focuses on Sámi history and historical methods. The main results and central aspects of Sámi history, in its relational context, are gone through. What effects and consequences – regarding both methodology and narrative styles – these aspects have had, and ought to have, for the processes of doing research on and writing Sámi history? The focus is on the politics of Sámi history and research. The issues, who is “allowed” to write Sámi history and the way Sámi research is demanded to stand in the service of different societal-cultural needs of the Sámi is dealt with. This expectation of applicability concerns Sámi history in general, and the more delimited efforts of presenting situated accounts of Sámi cultural practices, traditions and experience with relations to other folk groups. Finally, methodological considerations and recommendations of Sámi history are presented, in which a number of methodological competences and in-depth usage of numerous source categories are called for.

Keywords: historiography, Sami history, relational approach, methodology

Введение

В этой статье мы, во-первых, представляем некоторые основные концепции, которые, на наш взгляд, выделяются как центральные аспекты истории саамов на протяжении веков в её реляционном контексте. Затем мы обсудим, какие последствия — как в отношении методологии, так и стилей повествования — эти аспекты имели и должны были иметь для процессов проведения исследований и составления истории саамов.

После краткого описания некоторых основных разделов истории саамов в её взаимодействии с историями других народов Фенноскандии, мы рассмотрим некоторые основные

цели и потребности в написании истории саамов с одной стороны, представленные саамскими сторонниками, авторами и учёными, с другой — как часть комплексной, сложной истории Северной Фенноскандии. Это касается как желания иметь общую письменную саамскую историю, так и реализации более определённых усилий по представлению сведений о культурных практиках саамов, их традициях и опыте отношений с другими народами.

Но мультикультурный контекст, накладываемый окружающими государствами на саамов, привёл к другим проблемам: с одной стороны, к необходимости создания точного, описательного и аналитического исторического процесса, результаты которого на протяжении нескольких веков замалчивались или подавлялись в силу разного рода государственной политики по ассимиляции и интеграции. Это также включает в себя усилия по документированию или анализу бывших саамских традиционных или юридических прав, которые могут иметь значимость и в нынешних условиях, и в этот контекст будут включены меры по исправлению и дополнению историй окружающих государств, с тем чтобы сделать такие данные более полными и всеобъемлющими, чем они традиционно были. С другой стороны, растущий спрос со стороны саамов в отношении большинства населения с целью влияния на него и признания того, что исследования в отношении саамов, социальных институтов и культурных явлений, проводимые не саамами, а учёными большинства, представляют собой реальное «межэтническое отношение» само по себе, в котором асимметричные отношения власти традиционно сыграли решающую роль для «монополии интерпретации», проводимой учёными большинства.

В заключение будут представлены более чётко сформулированные методологические подходы и рекомендации, кажущиеся приемлемыми, учитывая основные и текущие характеристики истории саамов в настоящих условиях.

Следует отметить, что мы не претендуем на предоставление полного обзора обширной части работ, относящихся к истории саамов, и не придерживаемся приоритетного Фенноскандинавского цитирования. Помимо некоторых ссылок на классические финские и шведские работы, мы в основном ссылаемся на работы, опубликованные в Норвегии, чтобы проиллюстрировать нашу основную точку зрения по той или иной теме и привести примеры, которые бы соответствовали представленным категориям. С точки зрения хронологии, мы сконцентрировались главным образом на обсуждении истории саамов между ранним средневековьем и концом XX в.

Реляционная история саамов

В наше время, возможно, не будет являться неверным тот факт, что история саамов в значительной степени выступает как реляционная история, т.к. временная удалённость едва ли позволяет проследить отдельные этнические и культурные структуры в Северной Фенноскандии. Насколько позволяет предположить ретроспектива, у саами существовали тесные контакты, обмен и взаимодействие с другими социально-этническими группами в их окружении. Эти контакты и взаимосвязь играли, вероятно, главную роль в процессе, ведущем к формированию особенной этнической идентичности саами, истоки которой берут начало в середине II-го тысячелетия до нашей эры и продолжают до начала нашей эры [1, Hansen L.I. & Olsen B., с. 26–38]. В течение последнего тысячелетия до н.э. – начала н.э., когда, вероятно, некоторые неоднородные группы охотников-собираателей вдоль побережья Северной Фенноскандии постепенно меняли охоту на земледелие, другие общины охотников-собираателей, населявших внутренние области и Крайний Север, продолжали вести свою охото-ориентированную экономику, одновременно устанавливая более тесные контакты с производящими металл сообществами в юго-восточных регионах. Эта зарождающаяся экономика и социальный дуализм оказали решающее значение для дальнейшего культурного и этнического разделения в северной Фенноскандии [1, с. 351].

Такая точка зрения на этногенез саамов как продукт продолжительного процесса взаимодействия, включающего несколько групп и, одновременно, в силу того же процесса, ведущего к возникновению других отдельных этнических идентичностей (Северо-Германская и ранняя Финская), оказала большое влияние на распространение мнения, впервые поддержанного Фредриком Барсом в 1960-х гг., что возникновение и сохранение этнической идентичности не должны рассматриваться исключительно как продукт долговременной изоляции, отсутствие контактов и культивация «собственных культурных черт», но скорее как *форма организации взаимодействия между дифференциальными группами*. Как таковая, она появляется в результате контактов и коммуникации, благодаря чему сознание и идентичность одних групп по отношению к другим осознаётся и выражается [2, Barth F., там же]. Первым учёным, который принял такую концепцию развития этнической идентичности северной Фенноскандии в своей книге “Finner og terfinner, etniske prosesser i det nordlige Fenno-Skandinavia”, был антрополог и археолог Кнут Однер (1983) [3].¹

¹ Odner, Knut: Finner og terfinner, etniske prosesser i det nordlige Fenno-Skandinavia (Oslo Occasional Papers in Social Anthropology; v. No. 9), Oslo 1983. Название означает «Финны и терские саамы. Этнические процессы в Северной Фенно-Скандинавии». Использование концепта «этничность» подробно рассмотрено в: Jones S. The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present, 1997, а также: Banks M., Ethnicity:

Согласно этой концепции, в течение I-го тысячелетия до н.э. вследствие процесса культурной диверсификации среди различных неоднородных групп охотников-собирателей в северной Фенноскандии, вероятно, проявились более определённые контуры отдельной этнической идентичности саамов. Это развитие, скорее всего, является частью процесса взаимной идентификации, включающего в себя интенсивное взаимодействие с другими группами, которые в то же время явились основой для возникновения Северо-Германской идентичности на западе, и групп, идентифицирующих себя как *Hämäläiset* и *Suomalaiset*, предков последующего финского этноса, на востоке [1, Hansen L. I. and Olsen B., с. 126].

Таким образом, по крайней мере с первых веков нашей эры саамы выделяются как коренное население Севера, населяющее северные и центральные части Фенноскандии. Приблизительное распространение местностей их обитания в известные исторические периоды представлены на карте (рис. 1), показывающей локализацию различных саамских диалектов или языков, принадлежащих к финно-угорской языковой семье. Следует отметить, что области, заселяемые саамами в Средние века и в начале раннего Нового времени, распространялись далее на юг и юго-восток, в центральную часть современной Финляндии и вдоль западных берегов Белого моря.

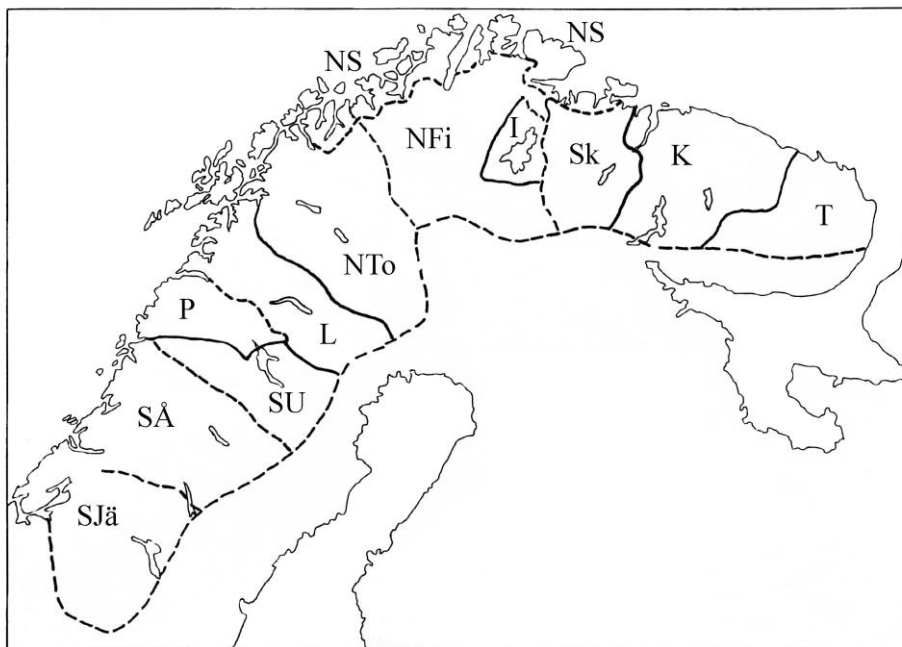

Рисунок 1. Локализация саамских языков и диалектов. SJä — южные саамы; SÅ — саамы Ууме; P и SU — саамы Пиите; L — саамы Лүүле; NTo, NFi и NS — варангерские саамы; I — саамы Инари; Sk — скольт-саамы; K — кильдинские саамы; T — терские саамы.

См. Korhonen M. *Johdatus lapin kielen historiaan. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 370*, Helsinki, 1981.

Anthropological Constructions, London & New York, 1996. Основные положения кратко даны в: Hansen L.I. and Niemi E. *Samisk forskning ved et tidsskifte: Jens Andreas Friis og lappologien — vitenskap og politikk*, Vitenskap, teknologi og samfunn. En innføring i vitenskapenes teori og praksis/ed. Seglen, E., Oslo, 2001, p. 350–377.

Комплексные и разнообразные связи соседствующих групп

В течение первого тысячелетия нашей эры и в первой фазе Средних веков, до появления более организованных государственных образований среди соседних народов, саамы имели комплексные и разнообразные отношения с другими группами населения как на западе, так на юге и востоке. Эти связи, вероятно, имели симметричную и асимметричную природу [4, Hansen L.I., с. 35–37; 5, Hansen L.I., с. 42–48]. Связи с другими группами Фенноскандии, вероятно, сводились к интенсивным бартерным и обменным отношениям, а также к взаимному предоставлению услуг определённого свойства, подобно тем, которые наблюдаются сейчас между различными группами саамов (т.е. так называемые «verdde» — отношения между континентальными оленеводами саамов и береговыми саамами). На востоке этнологические свидетельства, специальные лингвистические термины и топонимические исследования, вероятно, обосновывают тот факт, что саамы скорее практиковали симметричный обмен и бартерные отношения регламентированного характера с балто-финскими группами населения на территории современной Финляндии и Карельском перешейке, к таковым относятся *Hämäläiset* и *Suomalaiset* [6, Itkonen E.; 7, Valonen N.; 4]. В период раннего средневековья (т.е. в течение XII века), обширный обменный процесс, распространяющийся далее на восток, вероятно, обеспечил регулярные и регламентированные контакты с балто-финским населением великих озёр Ладога и Белозеро и бассейна реки Вага [4, с. 43–35].

На западе саамы контактировали и отчасти имели обширные обменные отношения с более иерархическими норвежскими общинами, организованными в ряд отдельных, но сотрудничающих племён, которые сложились под руководством вождей во время Великого переселения народов (370–570 гг.) и эпохи Меровингов (570–800 гг.). Эти общины, вероятно, функционировали в качестве так называемых «систем перераспределения», где различного рода излишки направлялись вождю, который затем перераспределял часть излишков, а остальное оставлял для себя и своих вассалов. Некоторые из саамов, вероятно, приобщались к таким центрам перераспределения как профессиональные охотники, которых, с одной стороны, устраивал произвольный обмен продуктами в такой системе, но с другой, возникало обязательство в уплате обязательной контрибуции вождям племён. Кроме того, на юге саамы поддерживали отношения с местными элитами, населявшими крайние северные побережья Ботнического залива, которые как вели торговлю с саамами, так и взимали с них дань. В раннем средневековье такие элиты были представлены в основном *квенами*, народом, говорящем на финно-угорском языке; в силу колонизации, имевшей

место в середине и конце средних веков, населённые районы пополнялись шведами и финно-говорящими крестьянами из южных частей Финляндии [1, Hansen L. I. and Olsen B., с. 152–155].

Таким образом, с конца железного века и начала средневекового периода саамы сохраняли относительно стабильные и взаимосвязанные регламентированные отношения с рядом соседних народов. В дополнение к упомянутым выше торговле и бартеру, эти отношения, вероятно, возникли и сохранялись благодаря взаимному обмену дарами и отчасти брачным связям, а также принадлежностью к одним и тем же космологическим понятиям, сюжетам, в которых религиозные концепции саамов, финно-угров и норвежцев, возможно, имели общую основу [1, Hansen L. I. and Olsen B., с. 348–349]. Это не означает, однако, что такое взаимодействие было симметричным, стабильным и одинаковым на протяжении всего периода. Напротив, вероятно, имели место различные типы специализации и изменения контактных маршрутов и обстоятельств кооперации. Вместе с этим, вероятно, превалировали определённые региональные вариации, влияющие на оформление и выражение культурной идентификации саамов в зависимости от территории их поселения. Региональные традиции и отношения с «другими» народами вносили изменения в проявление идентификации. Язык, между тем, мог служить унифицирующим фактором среди сообществ охотников и подчёркивать их различие с окружением, в особенности с германскими народами. Очевидно, язык саамов имеет более глубокие временные корни на всех территориях проживания саамов и, возможно, уходит вглубь последнего тысячелетия до нашей эры.

Эти различные формы взаимодействия изменялись с появлением более организованных государственных образований на Севере, сопровождающихся более интенсивной христианизацией населения, сначала соседних с саамами народов, затем самих саамов.

Во-первых, консолидировалось Норвежское королевство в южной части Норвегии в XI в. и усилило свой контроль над северо-западным побережьем в течение XII и XIII в. Во-вторых, Новгородская республика, впервые упомянутая в IX в., сформировалась и установила в X–XI вв. широкие торговые связи, построив вдоль северных рек укреплённые административные форпосты, значительно внедрившись на территории говорящих на финно-угорских языках охотников-собирателей [8, Martin J.; 9, Koht H.; 4, Hansen L. I., с. 52–57]. А с юга объединённая Шведская монархия усилила свой административный и экономический контроль в XIII и особенно в XIV вв. над внутренними территориями в

северной Фенноскандии в полной согласии и сотрудничестве со Шведской церковью [5, с. 54–57, 71–74]. Таким образом, племена вдоль западного побережья замещались объединённой Норвежской монархией, взявшей на себя функции взимания налогов и дани с саамов [10, Hansen L. I.], а некоторое время спустя чиновники из Новгорода обосновались в самых восточных частях саамских территорий и взимали налоги с проживающих там саамов (вдоль западных берегов Белого моря и на Кольском полуострове) [11, Luk'jančenko T. V.]. Отличительной чертой процесса было то, что части Карельского населения селились на территориях саамов на востоке, принимая на себя роль сборщиков налогов и торговцев от имени Новгорода [12, Storå N.; 4, с. 56; 13, Hansen L. I.; 14, Hansen L. I.]. Они сохраняли эту роль почти все средние века, вплоть до раннего Нового времени, перемещаясь по всей северной Фенноскандии, охватывая значительные территории побережья на севере и западе. Но с юга налоги с саамов всё ещё собирались частными торговцами, действующими только от своего имени и продолжавшими вести экстенсивную торговлю с саамами.

В конечном итоге самые северные части Фенноскандии в период позднего средневековья оказались разделёнными на общие или совпадающие налогооблагаемые районы, где одновременно два государства претендовали на право взимания налогов с саамов. Так, на севере, общий, совпадающий русско-норвежский налогооблагаемый район простирался от Люнген-фьорда и реки Малсельва на западе до крайней восточной точки Кольского полуострова (местоположение деревни саамов Руенне) и далее на юг вдоль южных берегов Колы до реки Veleaga (возможно, идентичной с названием Vieljoki/Vjala, притока реки Умба) [5, Hansen L.I., с. 62–68; 13, Hansen L.I., с. 32; 14, Hansen L.I., с. 300]. Одновременно, большая часть внутренней северной Фенноскандии являлась общей русско-шведской налогооблагаемой территорией. Эти общие налогооблагаемые территории установились, вероятно, в течение третьей декады XIV в. [4, Hansen L.I.; 14, Hansen L.I., с. 298–303; 15, Hansen L.I.].

Этот общий налоговый режим продолжался до конца XVI в. Но задолго до этого власти окружающих государств предпринимали агрессивные попытки, направленные на разделение между собой территорий проживания саамов согласно определённым взаимоисключающим территориальным границам. Государства стремились повысить свой собственный суверенитет или «право на гегемонию» посредством присоединения наибольшей территории с помощью ряда мер: максимально частое взимание налогов с саамов, установление местных административных и юридических институтов на территории саамов, организация самообороны. Строительство церквей и миссионерская активность по

отношению к саамам также играли важную роль. Таким образом, опосредованный контроль, который ранее осуществлялся государствами над саамскими территориями через налогообложение и торговлю, сейчас заменялся непосредственным контролем. Такая политика привела к нескольким межгосударственным войнам XVII и начала XVIII вв. Для большей части территорий саамов эти конфликты завершились мирными договорами и установлением границ в 1751 г. после Великой Северной войны. Помимо некоторых восточных саамских племён, большинство саамских сообществ, принадлежавших более чем одному государству, были распределены между государствами или оказались разделёнными новой границей [13, Hansen L. I.]. Точная граница между русской и норвежской землями, разделяющая территорию восточных саамских племен, была впервые установлена в 1826 г. [16, Aarseth B.; 17, Johnsen O. A.; 18, Hansen L. I.]. Главным эффектом этого разделения и однозначного подчинения окружающим государствам и их новым правительственным органам на территории саамов было то, что оно подорвало основу для создания автономии саамов. Саамы стали объектом светской и религиозной юрисдикции извне. Эта политика имела не только значительные последствия для правовой юрисдикции, но и для администрирования управления ресурсами. Это также имело серьёзное влияние на уровень религиозности. К концу XVII и в первых десятилетиях XVIII вв. были предприняты решительные меры против религии саамов посредством интенсивной миссионерской деятельности. Христианизация, внедрённая в культуру саамов, в значительной степени создаёт новые предпосылки к тому, как должна и как может быть сформулирована идентичность саамов [1, Hansen L. I. and Olsen B. с. 353].

Понимание жизненного уклада саами с XVII до XIX вв.

Условия для развития различных способов ведения хозяйства саами претерпевали значительные изменения начиная с VII в. и далее в силу жёсткого административного, правового и духовного контроля территорий проживания саамов со стороны окружающих государств. Одновременно центральные части сообщества саамов претерпели фундаментальные процессы трансформации. Первое место здесь следует отвести документальным свидетельствам о начальной стадии этого периода, описывающим социальную организацию саамов в форме саамской деревни *siida*. Она представляла собой традиционное локальное сообщество саамов или кооперативную организацию, состоящую из нескольких семей или домохозяйств, которое контролировало общую ресурсную территорию и совместно использовало её для сезонной миграции, охоты и эксплуатации различных ресурсных ниш. Как таковое понятие «*siida*» обозначает как единицу социальной

организации, так и пространственное расширение соответствующей территории в качестве узлуфрукта [10, Hansen L. I.; 19, 20, Vorren Ø.; 21, Helander E.]. Исследования налоговых реестров и применяемых принципов налогообложения для саамов подтверждают существование этого вида сообщества во многих частях внутренних территорий Северной Фенноскандии, а также то, что социальная организация в прибрежных регионах различалась в значительной степени. В некоторых прибрежных регионах должны были существовать организации вроде сииды, но различные по величине и составу, в то время как поселения саамов в других частях, вероятно, базировались на ведении единственного хозяйства [22, Vorren Ø.; 23, Holmsen A.; 24, Holmsen A.; 25, Bjørklund I.; 26, Grydeland S.E.; 27, Grydeland S.E.; 28, Hansen L.I.]. Более того, детальный анализ показывает, что в то время как сииды, главным образом, использовались в качестве базы для налогообложения в районах их существования, применяемая система налогообложения («налог на землю», установленный Швецией) могла также служить поддержкой и утверждением этого способа организации социальных единиц [1, Hansen L.I., с. 279–293; 29, Korpijaakko K.].

В течение этих веков также произошла решающая и фундаментальная трансформация в отношении использования и эксплуатации саамами оленьего стада с дальнейшим развитием оленеводства и, наконец, полномасштабного выпаса оленей [30, Ingold T.]. Вместе с проблематикой растущего населения и организации поселений других народов Северной Фенноскандии, это привело к реструктуризации и появлению новых групп в многочисленных частях территории. Затронутые здесь центральные темы: 1) реорганизация территорий, используемых кочевыми народами при расширении миграционных маршрутов, 2) достижения по установлению границ между областями, пригодными для сельскохозяйственных поселений и колонизации их областями, подлежащими резервированию под оленьи пастбища [1, Hansen L.I., с. 288–293], 3) переход в некоторых областях от кочевого и полукочевого образа жизни к постоянным фермерским хозяйствам и 4) междоусобицы и выделение так называемых «общих земель» в горных районах Норвежской стороны. Вместе с новыми административными мерами и сменой приоритетов со стороны властей, это привело к возникновению весьма различных взглядов на варианты дальнейшего развития обычных прав саамов. В некоторых областях возникали значительные препятствия в практике традиционного жизнеобеспечения саамов, однако в других местах обычное право саамов принималось даже государственной юрисдикцией с обеспечением правовой защиты, хотя иногда и временной. Рамки данной статьи, однако, ограничивают возможности дальнейшего обсуждения данных процессов.

**Создание письменной истории саамов:
двойная востребованность и некоторые перспективы во взаимосвязи**

Эта многосторонняя реляционная ситуация в отношении того, что саамы нашли своё место в истории, также повлияла на сам подход к истории саамов, когда речь идет о научном исследовании, анализе или презентации. Прежде всего, следует определить различия между внутренней и внешней точками зрения: между стремлением самих саамов представить свою собственную историю, исходя из своей позиции, опыта и географического положения, с одной стороны, и между культурой и историей саамов как предметом исследования со стороны традиционных академических дисциплин в сфере гуманитарных и социологических наук, с другой. В начале и середине XIX в. западные академические науки претерпели дифференциацию, в результате которой современные, выделенные исторические, социологические и этнографические дисциплины были определены более точно, очерчены и, так сказать, «дисциплинированы» — по сравнению с ранним, более схоластическим, не дифференцированным подходом к культуре, социуму и истории различных народов. Различие было установлено, и исторический динамизм, и развитие («эволюция») главным образом приписывались некоторым народам Западной и Центральной Европы, а также Северной Америке, в то время как другие народы рассматривались носителями меньшего динамизма, недостаточного развития и более застойных социальных условий, исходя из очень стабильных социальных институтов и почти перманентных способов ведения хозяйства (жизнеобеспечения). Последние в значительной степени стали характеризоваться как «примитивные» [31, Kirer A.]. И в то время как историческая наука главным образом была сосредоточена на анализе и толковании исторического развития условно «динамичных» сообществ запада, определяя исторические условия и истоки этих современных «национальных государств», предположительно «примитивные» сообщества стали предметом исследования новой независимой науки *этнографии*. Сопутствующим эффектом этого стало принятие на себя исторической наукой функции «государственного строительства» (для тех Западных государств, которые в последнее время были объединены или учреждены вдоль национальных границ), не в последнюю очередь продвигаемой немецким историком Иоганом Готфридом Хердером (1744—1803) и поиск свидетельств и непрерывных связей, подтверждающих существование этих народов и наций в прошлом [32, Iggers G.G. and Wang Q.E., Mukherjee S.].

Хотя саамы в этот период выпали из основных рамок исторической науки, тем не менее академические усилия по изучению раннего проявления национальной культуры,

сплочённости и идентичности предпринимались некоторыми национальными авторами саамов, которые попытались представить историю саамов, их адаптацию и образ жизни, отношения с другими народами с их точки зрения и на основании имеющейся информации, концепциях и традициях, равно как и на основании их собственного опыта.² Авторы этих работ: Йохан Тури (1854–1936) с произведением «Muitalus sámiiid birra» («История о Саамах») [33], Анта Пирак (1873–1951) «Jáhttee saamee viessoom» («Жизнь Кочевника») [34; 35] и Андрес Ларсен (1870–1949) «Mearrasámiiid birra» («О морских Саамах», 1949) [36; 37].

Современный, но отличающийся подход к истории саамов можно найти в произведении Хенрика Квандала (Henrik Kvandahl) (1865–1950) из Офотена, опубликовавшего три издания «История Саамов» в 1925, 1947 и 1950 гг. Квандал представил исследование точек зрения на происхождение и раннюю историю саамов, основываясь на широком отборе классических авторов от античности до XVIII в. Но в то же время он ссылался на подробные детали и точность длинного ряда эмпирических источников, документально фиксирующих факты поселения и присутствия саамов в районах Южного Тромса и Северной Нордландии во временном промежутке от XVI в. и до начала проведения переписей населения в конце XIX в. [38, 39, 40, Kvandahl H.; 41, Minde H.].

Можно сказать, что большинство таких работ представляют различные «ситуативные подходы», описывая синтез культуры саамов, историю и образ жизни с точки зрения некоторых местных или региональных авторов, на основании унаследованных местных или региональных традиций и опыта.

Совместно с этой тенденцией, история и культура саамов, как мы увидели, довольно рано стала рассматриваться как предмет исследований определёнными академическими дисциплинами, анализирующими культуру и формы социальной организации, даже если их подходы попадали под влияние конструкции «примитивное сообщество»/«развитое сообщество», как отмечено выше. Сначала материальная и нематериальная культура саамов, история и социальная организация были объектом изучения таких наук как этнография, этнология, фольклористика и география, а затем, в более позднее время, истории и археологии. К исследованию в рамках этих наук также привлекались учёные национальности

² Конечно, многие саамы, как, например, Сэмюэль Риин и Олоф Сирма, выступили значительно раньше с информацией или основательными докладами о культуре саамов, образе жизни и способах ведения хозяйства, чтобы они могли послужить основанием или подготовительным материалом для более охватывающего этнографического описания, выполненного различными авторами с конца XVII в. и в течение XVIII в., такими как Иоган Шеферус и Кнуд Леем. (Berättelser om samerna i 1600-tallets Sverige, faksimileutgåva av de s.k. prästrelationerne m.m., Umeå, Kungl. Skytteanska Samfundets Handlingar № 27), 1983. Но так как эти попытки предшествуют дифференциации научных дисциплин касательно истории саамов, как описано выше, далее здесь они обсуждаться не будут.

саамов, которые были пионерами в областях изучения социальных и культурных черт и условий саамов, результатом чего явился ряд работ, написанных учёными, но в то же время, отражавшими специфическую точку зрения самих саамов. Среди таких работ встречаются работы более локального характера, что продиктовано позицией и интересами автора, но всё-таки представляющие собой научное исследование. Выдающимся представителем этой тенденции является Израэль Руонг (1903–1986), который дал в своей работе глубокий анализ более определённых социальных процессов [42; 43] и обобщения широкого ракурса — “Samerna — i historien och nutiden” [44]. Среди других национальных учёных саамов, продолживших эту тенденцию в последующее время, можно отметить Самули Айкио [45], Сверре Фьелхайм [46; 47], Йохана А. Калштад [48; 49] и Оге Солбакк [50; 51]. Другие специфические исследования недавнего времени были выполнены Оддмундом Андерсеном (появление кочевого оленеводства), [52; 53], Томасом Андерсеном (комбинация жизненных укладов «саамы отдалённых земель» Южного Тромса) [54] и Лайфом Ельсватном (жизнеобеспечение и эксплуатация ресурсов оседлым населением саамов юга в некоторых сообществах) [55].

Специфические задачи и вызовы, выдвинутые многокультурной ситуацией

Хотя существует ряд крупных работ по культуре и истории саамов, опубликованных учёными-саамами, нельзя не заметить, что ситуация в этой сфере весьма сложна и характеризуется различными точками зрения и противоречиями, обусловленными мультикультурным положением и связями саамов, что, собственно, составляет основу культурного и социального развития саамов.

С одной стороны, просматривается правовая необходимость в укреплении этнической идентичности саамов, а также в использовании концепций и сообщений о ранних социальных и культурных процессах, относящихся к сообществу саамов в попытке создания отдельной, собственной идентичности наряду с другими народами Северной Фенноскандии. Это было бы равносильно оправданной попытке по созданию чёткого, описательного и аналитического исторического процесса и его последствий, которые на протяжении нескольких веков замалчивались и подавлялись как результат государственных политик по ассимиляции и интеграции.

Но в этом контексте также чувствуется острая необходимость в проведении исследований по более специфическим направлениям и более специфическим вопросам, освещение которых могло бы оказать большое влияние или создать значительный потенциал для сохранения и обеспечения правовой защиты сегодняшнему или будущему

положению культуры саамов, социальным институтам и образу жизни в современном обществе. В этом контексте изыскания и скрупулёзное картирование прежних правовых условий, связанных с различными способами ведения хозяйства саамов и формами управления ресурсами, имеют большое значение. Не менее важной представляется задача по демонстрации и подтверждению присутствия саамов в различных регионах в прошлые эпохи, как попытка доказать несостоятельность «техник замалчивания» прежних времён. Также многие несаамские учёные внесли свой вклад в развитие этого вопроса в своих классических работах: Вайнё Таннер (*Väinö Tanner*), исследования социальной организации и образа жизни восточных саамов с 1929 г., [56], Эрика Содем — правовых традиций саамов с 1933 г. [57]. Некоторые из этих подходов были развиты в исследовании Хелмера Тегенгрена по истории Кемских саамов в течение веков (1952 г) [58], но более строгое развитие правового исторического подхода было представлено в исследовании правовых последствий построения так называемой «нематрикулярной» государственной собственности Финнмарка Сверре Тоннесена (1972) [59]. Монументальное исследование процесса перехода к оседлому образу жизни и росту фермерских поселений среди саамов в Луле на Шведской стороне провёл Филип Хултблад в своем трактате от 1968 г., где привел глубокую реконструкцию родственных связей, которые отразились в географо-топографических формированиях [60]. С этой же позиции здесь следует отметить работы Орнульва Воррена, Йохана Альберта Калстада и Дикки Сторм, опубликованные в 1978 г. государственной комиссией *Ressursutvalget Finnmarksvidda* в официальном докладе [61], где авторы проводили картирование традиционных местных практик и обычного права, регулирующего эксплуатацию ресурсов саамов во внутренних районах округа Финнмарк. Данный подход был продолжен пять лет спустя в культурно-исторической презентации критериев, которые рассматривались при оценке необходимости сохранения различного вида культурных останков (1983).³

В последующие годы был опубликован ряд более специфических исследований истории особенных групп саамов, определявшихся либо регионально или тематически по среде обитания, либо по образу жизнеобеспечения. Среди этих работ следует отметить исследование Астри Андерсен об оленеводах-кочевниках XIX и XX вв. в Торне Лапмарк [62], работу Аллана Кристенсена о традиционных правах Варангерских саамов XVII и XVIII вв. [63], работу Ларса Ивара Хансена о саамской организации свободных земель XVII в. [64] и

³ Kulturminner og vassdragsvern, utredning fra Styringsgruppen for vurdering av kulturverdiene i 10 års vernede vassdrag oppnevnt av Miljøverndepartementet 30. juni 1978, NOU 1983:43.

исследование Дикки Сторм поселений и эксплуатации ресурсов саамов «отдаленных местностей» (markasamer) в южной части округа Тромсё [65; 66].

Исследование практик и обычаев, регулирующих использование общих земельных ресурсов в долине с преобладающим саамским населением в Северном Тромсё, опубликовано Бьёрном Беркли и Трондом Туеном [67]. Множество данных исследований и точек зрения за предыдущие годы было обобщено и опубликовано в официальных отчётах в качестве источника для работ правительственных комиссий с целью уточнения и выработки предложений по исполнению ресурсных прав саамов как в пределах округа Финнмарк, так и на территориях к югу от Финнмарка.⁴ Особые права приморских саамов, свойственные им традиционные виды рыболовства также рассматривались специально назначенными комитетами.⁵

Рефлексия

В то же время анализ и написание истории в последние десятилетия сталкивались с новыми теоретическими вызовами, явившимися результатом обновлённого взгляда на историю как на повествование и её значение. В силу преобладающих постмодернистских и конструктивистских позиций увеличивался скептицизм в отношении возможности изложения или объяснения «единой истории». С одной стороны, поддерживается призыв к созданию нескольких специальных и узких историй, с другой стороны, наблюдается стремление принять во внимание тот факт, что имеющийся в распоряжении ряд методов и подходов может быть использован в качестве предпосылки для анализа и понимания более общих исторических процессов, но эти методы и подходы в то же время препятствуют осмыслению [68, Fulsås N.]. Таким образом, задача по написанию и созданию «одной, единой национальной истории» в определённой степени дискредитируется и подменяется призывом к созданию «ряда историй», написанных исходя из нескольких точек зрения. Отчасти многие из последних узких подходов к анализу и описанию истории различных подгрупп саамов, исходя из их регионального и адаптационного разграничения, можно рассматривать как реализацию такого призыва: намеренно или нет.

Однако в сфере теории науки возникают более критические мнения касательно того, какие базовые предпосылки и понятия используются учёными не саамской принадлежности при подходе к различным частям сообщества саамов для проведения научных исследований или сбора данных. Такая критика возникла в 1974 г. в программной статье «Научное

⁴ Cf. Samisk naturbruk og rettssituasjon fra Hedmark til Troms. Bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget (Norges offentlige utredninger 2007:14), Oslo, 2007.

⁵ Cf. Innstilling fra samisk fiskeritvalg, 1993; Retten til fiske i havet utenfor Finnmark, 2008:5.

исследование как межэтническое отношение», написанной учёным-саамом Альфом Исаком Кескитало [69]. Здесь автор даёт начало фундаментальной критике так называемых «этнонаук», т.е. тех социальных наук, которые традиционно наиболее вовлечены в картирование и анализ культурных черт и социальных институтов сообществ саамов, таких как этнология, этнография, социальная антропология и часть социологии. Автор придерживается той позиции, что эти дисциплины не уделяют достаточного внимания тому факту, что в практических методах исследования (во время проведения полевых работ или наблюдений в локальных саамских сообществах), а также в методах публикации результатов этих исследований, все отношения вовлечены в фундаментальные силовые отношения между большинством и меньшинством сообщества. Таким образом, научное исследование представляет сами по себе межэтнические отношения со множеством асимметричных аспектов. Здесь следует отметить следующие моменты: 1) трудности или невозможность для внешнего исследователя передать реальные мотивы и методы исследования и неспособность полевого учёного понять сложность общественных отношений изучаемого сообщества, 2) «преимущество» исследователя, когда дело доходит до интерпретации наблюдаемого социального факта сообщества, в дальнейшем усугубляется тем обстоятельством, что результаты исследования, которые в то время часто публиковались в форме и на языке, к которым изучаемое сообщество не имело свободного доступа, также могли отражаться на политических решениях, принимаемых властями в отношении изучаемых групп. Это продолжало усиливать асимметрию, видимую в каждом аспекте, и невозможность установления реального, практического взаимодействия. Для Кескитало центральный вопрос состоял в том, откажутся ли «этноучёные» от составления целостных программ для исчерпывающего теоретического понимания меньшинства, устанавливая таким образом монополию на информацию, к которой само меньшинство вынуждено обращаться [69, с. 35]. Кескитало полагал, что этого можно достичь только заменой антропологического универсального догматического учения о научной, социальной и когнитивной прозрачности, с помощью которой внутренняя сложность объясняется как «общее понимание», на существенную непрозрачность, посредством которой создание финальных теорий о собственных проблемах и отношениях меньшинства предоставляются самому меньшинству.

Не так давно музей Nordiska Museet в Стокгольме организовал представительный симпозиум по различным научным исследованиям культуры и общества саамов [70]. Наряду со множеством научных направлений были представлены, в частности, такие дисциплины,

как археология, этнология, этнография, география, история, демография, социология и лингвистика. Уже на этом мероприятии Оле Хенрик Магга затронул те же вопросы, позже также поставленные Кескитало. Помимо прочего, были подняты проблемы сильного давления, испытываемого учёными и студентами из множества стран при изучении культуры и общества саамов, независимо от того, откуда они приехали, и необходимости рекрутинга учёных саамской национальности в эту сферу как преимущества для получения качественной «инсайдерской информации» о культуре и положении саамов [71].

В некоторой степени, слабым местам и вызовам, на которые указывали Кескитало и Магга, уделялось внимание в течение последних 40 лет как со стороны всё растущего числа саамских учёных, так и со стороны общественных наук, совместно с серьёзными попытками сделать саамский язык академическим языком. Свидетельство этого — периодическая публикация на саамском языке издания «Sámi dieđalaš áigečála».

***Корректировка и дополнение историй окружающих государств
и их «национальных историй»***

Помимо необходимости изучения старинных саамских обычаев и правовых традиций с экскурсом в более ранние эпохи на предмет поиска следов таких традиций и обычаев, также существует базовая необходимость в корректировке «национальных историй» окружающих государств по некоторым вопросам.

Так, следует выделить актуальные мультикультурные и мультиэтнические фундаменты этих государств на протяжении веков. Это влечёт за собой длинный процесс, длящийся с середины средних веков до первых десятилетий XX в., вследствие которого территории саамов в северной Фенноскандии оказались разделёнными между различными соседними государствами. Этот длительный процесс — или даже несколько охватывающих процессов — можно сказать, имел начало с разграничением частично перекрывающихся налогооблагаемых территорий в середине и конце средневековья, затем продолжился в связи с обострением соперничества из-за земли, населения и ресурсов с конца XVI в. и до 1751 г. и закончился кульминацией закрытия границ для различных групп кочевых саамов с конца XIX в. и для оленьих стад фактически до начала или середины XX в [72].

Эти процессы представляют несомненный интерес и заслуживают изучения как таковые в качестве истории о том, как общество и район обитания саамов оказались колонизированы и интегрированы в структуру окружающих государств. Но наиболее важным аспектом этих интеграционных процессов с точки зрения саамов, и эта точка зрения отстаивается здесь, является то, что изучение саамов выявило «тёмные стороны» различных

подходов, применяемых государствами по «национальному строительству», и имеющие место этой связи несправедливость и вторжения. Таким образом, этот аспект исследования в презентации истории саамов должен также включать в себя критический анализ того, как образ жизни саамов, способы жизнеобеспечения, верования и характерные культурные черты рассматриваются государственными администрациями: или игнорируются, через признание их не существующими, посредством применения специальных категориальных процессов, или, более активно и агрессивно, — противопоставляются или устраняются с помощью таких мер как *миссионерская деятельность и политика ассимиляции* в сфере культуры и лингвистики (через образовательную и школьную системы), а также специальных дискриминационных правовых мер с целью ограничить и изолировать возможности практики специфических для саамов образа жизни и способов жизнеобеспечения.

Анализ определённых вопросов политической сферы, например, разделение населения саамов на различные категории, определяемые и размещаемые согласно точке зрения государств в соответствии с их политическими целями по установлению национальных границ по используемым саамами ресурсным территориям, был проведён Диккой Сторм и Эвьеном и Хансеном [73; 74].

Миссионерская деятельность XVII и XVIII вв. выделяется как главное средство в этом контексте [75, Rydving H.; 76, Storm D.; 77, Storm D.; 78, Storm D.]. Ассимиляционная политика и её результаты также исследовались и анализировались некоторыми учёными. Фактически, один из ранних трактатов по анализу применения так называемой «норвегизации» с позиций саамов был написан выдающимся лингвистом и исследователем культуры саамов Йустом Кнудом Квикстадом в 1907 г. [79; 80, Hansen L.I.].⁶ В первых десятилетиях XX в. эта тема поднималась в нескольких случаях: в одном — так называемой радикальной оппозицией против норвегизации, с которой Квикстад, вероятно, сотрудничал в некоторой степени [81, Otterbach J.]. Жёсткие требования и санкции в отношении саамов в период норвегизации и последствия, которые она имела для ограничения их возможности контролировать и пользоваться их традиционными ресурсными территориями в некоторых частях Норвегии, исследовались Регнором Йернслеттенем, который взял за основу анализа так называемый «*Jordsalgsloven*» от 1902 г. [82]. Согласно этому «закону о продаже земли», купить землю для ведения сельского хозяйства в округе Финнмарк мог только тот, кто хорошо владел норвежским языком, и это было принято за абсолютное условие. Законы и

⁶ Хочу выразить благодарность старшему лектору Кетил Закариассен (*Ketil Zachariassen*), IHR, UiT – Арктический Университет Норвегии, за привлечение моего внимания к этому аспекту в книге Квикстада.

препятствия, устанавливаемые различными государственными властями в отношении оленеводства саамов, были широко освещены в исследовании Нильса Йохана Пайвио [83]. Свидетельства более документального характера, представленные, например, в форме описания традиций и воспоминаний ранних форм кочевой миграции между различными ресурсными территориями по обе стороны шведско-норвежской границы, могут служить важной функцией в этом отношении, как, например, презентация традиционных передвижений саамов «Könkätmävuoma-Sámi» автора Ларса Валькеапа [84].

Методологические вопросы

Позиции, освещённые и изученные выше, чётко доказывают, что научное исследование исторического процесса сообщества саамов и аналитическая презентация этих тем отвечают значительным и фундаментальным вызовам. Это следует не только из ситуации с источниками и культурными перспективами тех, кто создал или повлиял на эти письменные источники так, чтобы предыдущие социальные процессы и культурные значения и традиции могли быть неправильно поняты, неправильно представлены, реструктурированы или подвергнуты цензуре. Наиболее фундаментальные дилеммы и проблемы интерпретации вызваны различными изменениями и трансформациями, которые претерпело культурное и социальное взаимодействие с другими группами, на фоне смещения симметричных/асимметричных силовых отношений в той или иной группе. В этих условиях демонстрация этнической идентичности саамов также претерпела значительные трансформации на протяжении веков. Это вытекает из динамики этнических сигналов и выражения этнической идентичности при различных обстоятельствах и в разных контекстах: что значит быть саамами — в смысле сотрудничества или противопоставления с другими — со временем изменилось в своём практическом, географическом и кооперационном контексте. Также изменились и этнические сигналы.

Реконструкция истории саамов с исследованием социальных и исторических процессов в её относительном и динамическом смысле, вероятно, зависит от ряда специфических методологических вопросов. В качестве некоторых заключительных замечаний мы бы хотели предложить следующее:

Интегрированная комбинация нескольких дисциплинарных подходов

Цель заключается в попытке компенсировать ряд различных, неправильно представленных и, возможно, противоречивых свидетельств о некоторых практиках саамов, оставленных в виде материальных источников, традиционно являющихся предметом интенсивного изучения одной или нескольких историко-культурных дисциплин. Это

включает, например, анализ культурных останков в отношении письменных источников относительно лингвистических материалов; предметов искусства и ремесла (duodji), фольклор и устные знания (handlingsbåren kunnskap) [85, Dunfjeld M.]. Полезность в дополнительных интервью с целью документирования остатков традиционных знаний и накопления единиц информации также представляется относительной.

Базируясь на таком комбинированном подходе, возможно произвести коррекцию каких-либо встроенных отклонений в одной из категорий источников, в которой эмпирическое свидетельство, традиционно изучаемое одной дисциплиной, может содержать информацию, которая в противном случае может игнорироваться или опускаться в сведениях другого типа. В анализе возможных связей между обществом саамов Южного Тромсё и элитой соседнего северного племени в конце железного века – начале средних веков Л. Хансен использовал интегрированный подход, основанный как на топонимическом исследовании, так и на ретроспективном анализе отношений собственности и изучении сложной совокупности культурных останков на территории [86]. Но, очевидно, данный подход также представляет собой фундаментальный методологический вызов в отношении того, как следует строить определённые выводы, исходя из потенциально противоречивых форм свидетельств.

Подход, рассматривающий изменяющиеся проявления этнической идентичности и культурных практик саамов в течение веков

Широкий диапазон исследований в сфере особенно значимых культурных черт, призванных продемонстрировать этнический признак саамов — так называемые «диакритические маркеры», по терминологии социальной антропологии [2, Barth Fr.] — значительно изменяется от периода к периоду. В качестве иллюстрации предлагается два простых примера: русский археолог Н.А. Макаров показал, как многочисленные металлические подвески с «зооморфными» орнаментами и фигурками, произведенными другими финно-угорскими народами в центре территории Пермь — Волга и на территориях к югу от Ладogi и вокруг Белого озера, обнаруживались в захоронениях саамов в северной Фенноскандии в течение XI–XIII в. [87, Makarov N.A.]. Большинство из них имело форму или изображало животных, которые могут быть связаны с концепцией шаманских путешествий. Очевидно, эти объекты считались саамами весьма ценными, с которыми трудно расстаться, и их помещали в захоронения. Таким образом, эти украшения служили важным этническим маркером в отношении норвежского населения и других не саамских народов Фенноскандии. Другой характеристикой, которой придаётся значение, является то, что

определённые черты традиционного костюма саамов (gákti), можно обнаружить в ранних характерных чертах скандинавского и центрально-европейского стиля одежды, который, предположительно, мог быть заимствован в различные временные периоды, например, во время раннего средневековья или в эпоху ренессанса [88, Zachrisson I.].

Исследования в области распространения первых зафиксированных имён среди саамов и норвежцев в Южной части округа Тромсё с 1567 по 1661 гг. также обнаруживают интересные черты. Оказывается, что обе этнические группы в определённой степени использовали именно материал древних норвежцев, почитаемых как святых в средние века или, с другой стороны, принимались церковью, как Св. Олаф и Св. Хальвард. Но помимо этой общей традиции, саамы и норвежцы использовали совершенно различные первые имена в XVI и в первой половине XVII вв. Если норвежцы в основном использовали имена святых, популярных в Европе в позднем средневековье, саамы же воздерживались от этих именных форм. Вместо этого они использовали производные формы из древнего норвежского материала, подобно языческим именам, записанным в литературе саг. Определённо, изучать можно только имена, записанные в официальных норвежских источниках, и нельзя исключать существования отдельной, не зафиксированной именной традиции среди саамов, но, так или иначе, это демонстрирует, что для имен в «официальном использовании», эти две группы выделялись тем, что использовали различные части сохранившихся именных источников. [89, Hansen L.I.; 90, Hansen L.I.]. Различные прямые проявления этнической принадлежности также могли затухать в определённые периоды и затем вновь выступать на передний план в другое время, как демонстрирует опыт прошлых лет.

Подход, рассматривающий актуальность и важность социального взаимодействия с соседними группами и партнерами, охватывающий как симметричные, так и асимметричные связи

Данный подход может служить средством для отслеживания и коррекции негативных и дискриминационных мер, принимаемых государством в отношении саамов, как описано выше — результат специальных усилий одной или более властных структур. В дополнение, он может послужить мотивом для попытки картировать, документировать и анализировать характер поселений саамов в регионах, где присутствие саамского народа раньше тщательно замалчивалось в силу преобладающих стереотипов об этническом составе населения. Альф Рагнар Нильсен, например, сделал реконструкцию значительного присутствия и поселений саамов на Лафотенских островах с начала средних веков и далее в XIX в. [91]. В то же время данный подход базируется на мультидисциплинарном подходе, см. выше.

Кроме того, преимуществом применения данного подхода является также то, что он приветствует использование всех видов источников и материалов, используемых для привлечения внимания к ситуации или процессам, касающимся саамов. На наш взгляд, это означает, что исследователь не должен замыкаться только на источниках, *которые говорят непосредственно или однозначно о саамах или относятся к их деятельности прямым, позитивным образом*. Касательно вопросов, где трудно обосновать присутствие саамов или существование прошлых и современных прав саамов, исследование будет плодотворным, а во многих случаях весьма плодотворным — исследование источников, отражающих активность и колебания *взаимодействующего партнёрства* саамов с Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией. В этом случае, присутствие саамов или динамика может быть опосредованно отражена социальной или демографической динамикой других групп.

Реконструкция определённого вида права на собственность саамов в Тромсё и Нордландии продолжается в течение XVII в. — так называемая «организация свободных земель саамов» иллюстрирует это: центральный вопрос заключался в том, насколько далеко распространяются права саами на собственность, действительно ли они имеют преимущество и могут выгнать возможных норвежских арендаторов, оккупировавших исконно саамские поселения, периодически временно оставляемые саамами в поисках новых форм жизнеобеспечения, таких как специализированное рыболовство. Если саамы не имеют специальных прав, тогда места их поселений не имеют специального статуса и могут арендоваться норвежцами на обычных условиях аренды. Таким образом, решающий вопрос состоял в том, следует ли за общим правом наследования индивидуальное право на земли под влиянием общего спроса на землю или же право наследования предполагает внезапный захват со стороны арендаторов, т.к. саамам приходилось действовать на той же территории и таким же образом, как норвежцы. Поэтому определённого вывода о реальной эффективности применения права наследования саамов сделать нельзя, прежде чем право наследования обеих сторон арендаторов не будет картировано и сравнено. Другими словами, детальное изучение правопреемства среди норвежцев было существенным, решающим, методологическим шагом, прежде чем как какие-либо заключения были сделаны по поводу правового статуса обычного права саамов [92, Hansen L.I.; 93, Hansen L.I.].

Региональная и локальная ситуация, вызванная перспективой взаимоотношений

Таким образом, следует полагать, что анализ и повествовательная презентация истории саамов создают несколько проблем на совершенно разных уровнях. Это не только проистекает из позиции взаимоотношений и позиции «меньшинства», приписываемой

саамам в силу контролирования окружающими государствами различных частей населения и территории саамов, такая позиция имела значительные последствия для формирования «истории саамов» и «культуры саамов» в асимметричной перспективе взаимоотношений. Очевидно, это имело определённые последствия, выраженные в подходе к исследованию «саамских вопросов» с позиций «аутсайдер» против «инсайдера». Но дилемма не ограничивается только этими вопросами на более общем уровне, но также имеет последствия при анализе источников и их фактических аспектов. Условия для преодоления этих проблем, проистекающих из анализа на общем уровне, кажутся, тем не менее, наилучшими при подходе к ним в локальных или региональных исследованиях, где специфические особенности материала источника могут быть изучены детально, одновременно с опорой на широкий спектр возможных источников и показателей.

Литература / References

1. Hansen L.I. and Olsen B. *Hunters in Transition: An Outline of Early Sámi History*, Brill, Leiden 2014.
2. Barth Fr. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Bergen – Oslo – London, 1969.
3. Odner K. *Finner og terfinner. Etniske prosesser i det nordlige Fenno–Skandinavia*. Oslo, Oslo Occasional Papers in Social Anthropology, volume № 9, 1983.
4. Hansen L.I. Interaction between Northern European sub-arctic Societies during the Middle Ages, *Two Studies on the Middle Ages* (KULTs skriftserie № 66)/ ed. Rindal, M., Oslo, 1996.
5. Hansen L.I., Lundholm Kj.; Semënov V. and J. Vahtola: The Dawn of State Formations 800–1550, *The Barents Region — A transnational history of subarctic Northern Europe*/ed. Elenius, L., Oslo, Pax Forlag, 2015, pp. 18–84.
6. Itkonen E.: *Suomalaisugrilaisen kielen ja historian tutkimuksen alalta*, Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1960, pp. 123–131.
7. Valonen N. Varhaisia lappalaisuomalaisia kosketuksia [Early Contacts between the Lapps and the Finns], *Ethnologia Fennica Finnish Studies in Ethnology*, 1980.
8. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 1986.
9. Koht H. Gråfelden i norsk historie, *Verda og Noreg. Historie frå skilde tider*. Oslo, 1962.
10. Hansen L.I. Siida *Norsk historisk leksikon [= Norwegian Historical Encyclopedia]*/eds. Imsen S. and Winge H. Oslo 1999, pp. 374–375.
11. Luk'jančenko T.V. *Material'naja Kul'tura Saamov Kol'skogo Poluostrova konca XIX–XX vv.* Moskva, 1971.
12. Storå N. De ryska klostren och Kola — samernas rätt till jakt og fiske, *Samenes og sameområdenes rettslige stilling historisk belyst. Foredrag og diskusjoner på symposium avholdt 7.–9. november 1973*/ed. Bergsland K. (Instituttet for sammenliknende kulturforskning. Serie a: Forelesninger XXVIII), Oslo – Bergen – Tromsø, 1977, pp. 78–102.
13. Hansen L.I. Grensefastsettingen på Nordkalotten fra middelalderen til 1751: Folkeslag — strategier — prinsipper, *Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord-Norge gjennom tusen år*, Skriftserie fra Institutt for historie, Universitetet i Tromsø, № 1/eds. Fagertun F., Myhre J. E. and Ryymin T. Tromsø, 2001, pp. 11–51.
14. Hansen L.I. Norwegian, Swedish and Russian 'tax lands' in the North, *Taxes, tributes and tributary lands in the making of the Scandinavian kingdoms in the Middle Ages*/ed. Imsen S. Tapir Akademisk Forlag, 2011, pp. 295–330.

15. Hansen L.I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*/eds. Jackson T. and Nielsen J. P., Moskva, Languages of Slavonic Culture, 2005, pp. 40–61.
16. Aarseth B. Fra Nordkalottens historie, en samling artikler, *Ottar, Populære småskrifter fra Tromsø Museum*, 1975, № 84, (№ 2–3), Tromsø.
17. Johnsen O.A. *Finmarkens politiske historie, aktmæssig fremstillet*, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist.fil. klasse 1922, Kristiania, 1923.
18. Hansen L.I. Innledning, volume III of *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*, published by Kjeldeskriftfondet, Oslo, 1985, pp. VII–XLIV.
19. Vorren Ø. Siida-områder på "Sör-Fieldit" under veidekulturens siste fase, *Kultur på karrig jord. Festskrift til Asbjørn Nesheim* (By og Bygd, volume XXVI), 1978 (b), pp. 259–274.
20. Vorren Ø. Samisk bosetning på Nordkalotten, arealdisponering og ressursutnytting i historisk-økologisk belysning, *Nord-Skandinaviens historie i tvärvetenskapelig belysning*/eds. Baudou E. and Dahlstedt K.-H. (Acta Universitatis Umensis. Studies in the humanities 24), Umeå 1980, pp. 235–261.
21. Helander E. Sami subsistence activities — spatial aspects and structuration, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1999, volume 16, (№ 2), pp. 7–25.
22. Vorren Ø. 3.2. Bosetning og ressursutnytting, *Finnmarksvidda: natur — kultur*/eds. Gjærevoll O. et al., NOU 1978: 18 A, pp. 144–162.
23. Holmsen A. Finneskatt, finneleidang og nordmannsleidang, *Gard, bygd, rike. Festskrift i anledning Andreas Holmsens 60 års dag 5. juni 1966*, Oslo, Universitetsforlaget, 1966.
24. Holmsen A. Finnskatt og nordmannsskatt. *Samenes og sameområdenes rettslige stilling historisk belyst. Foredrag og diskusjoner på symposium avholdt 7.-9. november 1973* (Instituttet for sammenliknende kulturforskning. Serie a: Forelesninger XXVIII)/ed. Bergsland, K., Oslo – Bergen – Tromsø, 1977, pp. 56–75.
25. Bjørklund I. *Fjordfolket i Kvænangen: fra samisk samfunn til norsk utkant 1550–1980*, Tromsø, Univ. forlaget, 1985.
26. Grydeland S.E. *Den sjøsamiske bosetting i Kvænangen fra seinmiddelalder til ny tid: en arkeologisk studie i kontraster*, (Major thesis in archaeology, University of Tromsø), Tromsø, 1996.
27. Grydeland S.E. *De sjøsamiske siida-samfunn: en studie med utgangspunkt i Kvænangen*, 2001, Nord-Troms museums skrifter, volume 1.
28. Hansen L.I. *Handel i nord. Samiske samfunnsendringer ca. 1550 – ca. 1700*, (Dr.philos. dissertation, University of Tromsø), Tromsø 1990 (a).
29. Korpijaakko K. *Jordbeskattning, jordnaturer, nybyggerverksamhet och skogslagstiftning i Lappmarken från 1500-talet till medlet av 1700-talet*, (Samerna och jordäganderätten, volume 2), 1985.
30. Ingold T. *Hunters, pastoralists and ranchers: reindeer economies and their transformations*, (Cambridge studies in social anthropology 28), Cambridge, Cambridge University Press, 1980.
31. Kuper A. *The Invention of Primitive Society. Transformations of an illusion*, London & New York, 1988.
32. Iggers G.G. and Wang Q.E. with contr. from Mukherjee S.A *Global history of Modern Historiography*, 2008.
33. Turi J. *Muitalus sámiiid birra*, Jokkmokk, Sámi girjijt, 1987.
34. Pirak A. Jåhttee saamee viessoom. Upptecknat och försett med inledning av H. Grundström, *Skrifter utg. av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala*, 31:2, Uppsala – Leipzig, 1937.
35. Pirak A. [Swedish translation] En nomad oc hans liv. Upptecknad och översatt av H. Grundström, *Skrifter utg. av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala*, 28:3, Uppsala – Leipzig, 1933.
36. Larsen A. Mærrasámiid birra. *Acta Borealia, B. Humaniora* no. 16, Tromsø Museum, Tromsø, 1979.
37. Larsen A. Om sjøsamene. Oversatt fra samisk av J. Qvigstad, *Tromsø Museums Årshefter* 70, № 2, Tromsø, 1950.
38. Kvandahl H. *Samefolks historie*, Røros, 1925.
39. Kvandahl H.: *Samenes historie II–III*, Trondhjem 1932.
40. Kvandahl H.: *Samenes historie II–III*, Tromsø 1947.
41. Minde H. Diktning og historie om samene på Stuoranjárga. Rapport I, Skoddebergprosjektet, *Dieđut* 2000 – 4, Sámi Instituhtta in cooperation with Sámi dutkamiid guovddáš, 2000.

42. Ruong, I. *Fjäll-lapparne i Jukkasjärvi socken*, (Geographica. Skrifter från Uppsala Universitets Geografiska Institution, № 3), Uppsala, 1937.
43. Ruong I. Jåhkakaska sameby, *Svenskt landsmål och svenskt folkliv*, 1964.
44. Ruong I. *Samerna — i historien och nutiden*, 1982.
45. Aikio S. *Olbmot ovdal min. Sámiid historjá 1700logu rádjái*. Ohcejohka, Sámi Instituhtta, 1992.
46. Fjellheim S. *Fragment av samisk historie: foredrag Saemien våhkoe*, Røros, Sør-Trøndelag og Hedmark reinsamelag, 1995.
47. Fjellheim S. *Samer i Rørostraktene*, Snåsa, Saemien sijte, 1999.
48. Kalstad J.A. and Brantenberg O.T. *Reindrift, samisk samfunn og kultur på Saltfjellet: vassdragsutbygging i Saltfjellet-Svartisen området*, Tromsø, Samisk-etnografisk avd., Tromsø Museum, Universitetet i Tromsø, 1987.
49. Kalstad J.A. *Dorogoj nadežd, politika Rossijskogo gosudarstva i položenije saamskogo naroda v Rossii (1864–2003)*, Murmansk, 2009.
50. Solbakk Å. *Sámi historjá*, 1994.
51. Solbakk Å. *Sápmi/Sameland: samenes historie fram til 1751*, Karasjok, 2007.
52. Andersen O. *Ofohtagat — Samer og nordmenn i Ofoten*, (Major thesis in archaeology — University of Bergen), Bergen 1983.
53. Andersen O. *Flyttefolk og bofaste. En studie av samisk bosetting i Sør-Troms og Nordre Nordland*, (Dr.art.-thesis, University of Tromsø), Tromsø 2002.
54. Andersen T.O. *Markasamiske kombinasjonsnæringer: En undersøkelse på mikronivå 1860–1920*, (Master thesis in history, University of Tromsø), Tromsø 2005.
55. Elsvatn L. *Etnisitet og agrarnæring i Hattfjelldal 1850–1940*, (Master thesis in history, Universitetet i Tromsø), Tromsø 2007.
56. Tanner V.: Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. Skoltlapparna, *Fennia* 49, № 4, 1929, Helsinki.
57. Solem E. *Lappiske rettsstudier*, (Instituttet for sammenlignende kulturforskning, serie B, skrifter XXIV), Oslo, 1933.
58. Tegengren H. *En utdöd lappkultur i Kemi lappmark. Studier i Nordfinlands kolonisationshistoria*, (Acta Academiae Åboensis. Humaniora XIX.1), Åbo, 1952.
59. Tønnesen S. *Retten til jorden i Finnmark*, Bergen – Oslo – Tromsø, Universitetsforlaget, 1979.
60. Hultblad F. *Övergång från nomadism till agrar bosättning i Jokkmokks socken*, Stockholm, Nordiska Museet: Acta Lapponica XIV, 1968.
61. Gjærevoll O. et al., 1978: *Finnmarksvidda: natur — kultur*, utredning fra et utvalg oppnevnt ved kongelig resolusjon 30. mai 1975, avgitt til Miljøverndepartementet i juni 1978, NOU 1978: 18 A.
62. Andresen A. *Omstillingstid: nomadisk reindrift i Torne lappmark og Troms 1840–1920*, (Dr.philos.-thesis, University of Tromsø), Tromsø 1991.
63. Kristensen A. *Samisk sedvane sett i lys av samfunnsmessige endringsprosesser: med fokus på "Vehringer finner" i perioden 1620–17*, (Major thesis in history, University of Tromsø), Tromsø, 2001.
64. Hansen L.I. *Samiske rettigheter til jord på 1600-tallet. "Finnejorder" i Sør-Troms*, Tromsø, Tromsø Museums Skrifter XX, 1986.
65. Storm D. *Kystsamisk bosetning i Sør-Troms. Etableringen av en markebygd og ressursutnyttningen i området: En undersøkelse i Gressmyrskogen på Senja*, (Major thesis in geography — University of Bergen), Bergen, 1990.
66. Storm D. *Gressmyrskogen — en bygd på Senja. Bosetningsmønsteret i markebygdene 1700–1900*, (Senter for samiske studier, Skriftserie nr. 15, University of Tromsø), Tromsø, 2008.
67. Bjerkli B. and Thuen T. *Om bruken av Svartskogen i Manndalen. Rapport utarbeidet for Utmarkskommisjonen for Nordland og Troms*, volume 1-2, Tromsø, Stensilserie A № 91, Institutt for sosialantropologi, Det samfunnsvitenskapelige fakultet, Universitetet i Tromsø, 1998.
68. Fulsås N. Historie og forteljing, *Nytt Norsk Tidsskrift*, 2005, № 3.
69. Kesitalo A.I. Research as an inter-ethnic relation, Samfunnsforskning og minoritetsamfunn, *Acta Borealia, B. Humaniora. № 13*, Tromsø Museum, Tromsø, 1976, pp. 15–42.
70. *Sameforskning i dag och i morgon, Rapport från symposium rörande den samiska kulturen 19–20 november 1973 i Nordiska museet*, (Nordiska museets jubileumssymposier), Stockholm, 1974.

71. Magga O.H. Forskningsarbeidet ved Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum, *Sameforskning i dag och i morgon, Rapport från symposium rörande den samiska kulturen 19–20 november 1973 i Nordiska museet*, Stockholm, Nordiska museets jubileumssymposier, 1974, pp. 115–119.
72. Storm D. Könkämävuomasamens flytninger til sommer-områdene i Troms fylke — en forskningshistorisk oversikt, introduction to: Walkeapää, L. J., *Könkämävuoma-samernas renflytningar till Norge — Om sommarbosättningar i Troms fylke på 1900-talet*, (Tromsø Museums Skrifter XXXI, Tromsø Museum Universitetsmuseet), Tromsø, 2009.
73. Evjen B. and Hansen L.I. (eds.) *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv*, Oslo 2008.
74. Hansen L.I. and Evjen B. Kjært barn — mange navn. Om forskjellige betegnelser på den samiske befolkningen i Nordland gjennom århundrene, *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv*/eds. Evjen, B. and Hansen, L. I., Oslo, 2008, pp. 17–47.
75. Rydving H. *The End of Drum-Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s*, Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum, volume 12, Uppsala, 1993.
76. Storm D. A Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space. *Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond*/eds. in Damm C. and Saarikivi J., Suomalais-Ugrilainen Seura/Finno-Ugrian Society (265), 2012, pp. 263–283.
77. Storm D. The mission networks and the religious situation, *The Protracted Reformation in Northern Norway: Introductory Studies*/eds. Hansen, L. I., Bergesen, R. H. and Hage, I., Stamsund, Orkana akademisk, 2014, pp. 185–210.
78. Storm D. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century, *The Protracted Reformation in Northern Norway*, volume 2: *Towards a Protestant North*/eds. Berg, S.H., Bergesen, R.H., and Kristiansen, R.E., Hannover, Wehrhahn Verlag, 2016, pp. 173–203.
79. Qvigstad J.K. *Historisk Oversigt over Oplysningsarbeidet blant Finnerne i Finnmark*, 1907.
80. Hansen L.I., Just K. Qvigstad's Contribution to the Study of Sami Culture, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1992, № 2, pp. 47–68.
81. Otterbech J. *Kulturverdier hos Norges finner*, Kristiania, 1920.
82. Jernsletten R. The Land Sales Act of 1902 as a Means of Norwegianization, *Acta Borealia, A Norwegian Journal of Circumpolar Societies*, 1986, volume 3, № 1, pp. 3–20.
83. Päiviö N.J. Lapps kattelandens rättsliga utveckling i Sverige: en utredning om lapps kattelandens och de samiska rättigheternas utveckling från mitten av 1600-talet till 1886-års renbeteslag, *Dieđut, Sámi instituhtta*, Kautokeino, 2001, № 3.
84. Walkeapää L.J. *Könkämävuoma-samernas renflytningar till Norge — Om sommarbosättningar i Troms fylke på 1900-talet*, (Tromsø Museums Skrifter XXXI, Tromsø Museum Universitetsmuseet), Tromsø, 2009.
85. Dunfjeld M. *Tjaalehtjimmie: form og innhold i sørsamisk ornamentikk*, Snåsa, Saemien sijte, 2006.
86. Hansen L.I. *Samisk fangstsamfunn og norsk høvdingeøkonomi*, Oslo, Novus forlag, 1990 (b).
87. Makarov N.A.: "Eastern" Ornaments of the 11th–13th Centuries in the Sami areas: Origins and Routes, *Acta Borealia, A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1991, № 2, pp. 57–80.
88. Zachrisson I. De samiske metaldepåerna år 1000–1350 i ljustet av fyndet från Mörträsket, Lappland (Archaeology and Environment 3), Umeå, Department of Archaeology, University of Umeå, 1984.
89. Hansen L.I. Den dynamiske etnisiteten og dens skiftende uttrykk, *Historie, etnisitet og politikk*, (Stensilerie B, № 59, Institutt for historie, Det samfunnsvitenskapelige fakultet, Universitetet i Tromsø)/ ed. Myhre J. E., Tromsø, 2000, pp. 29–54.
90. Hansen L.I. Sámi Naming Customs in the Post-Reformation Period, *The Protracted Reformation in Northern Norway*, volume 2, *Towards a Protestant North*/eds. Berg, S.H., Bergesen, R.H. and Kristiansen, R.E., Hannover, TROLL: Tromsøer Studien zur Kulturwissenschaft, volume 14, Wehrhahn Verlag, 2016, pp. 153–171.
91. Nielssen A.R. Samisk historie i Lofoten — ei flerfaglig utfordring, *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv*/eds. Evjen, B. and Hansen, L. I., Oslo, 2008, pp. 195–236.
92. Hansen L.I. Skal en bare bruke kilder som omtaler samer i rekonstruksjon av samisk fortid? Om tilnæringsmåten ved en undersøkelse av kystsamenes rettsstilling i Sør-Troms på 1600-tallet. "Viester-

- alas*” — *Samisk historie i Vesterålen, Rapport fra seminar på Vesterålens bygdemuseum og kultursentrum/* eds. Slettjord, L. and Guttormsen, H., 1984.
93. Hansen L.I. Sami Title to Land in Southern Troms, Norway. Approach, method and Data in Reconstructing Sami Rights of the Past, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1985b, № 1/2, pp. 9–28.